

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЯКОБА ВИРША
“ШИЗОФРЕНИЧЕСКАЯ ПЕРСОНА. ИССЛЕДОВАНИЯ
КЛИНИКИ, ПСИХОЛОГИИ, СПОСОБА DASEIN’А”

Пер. П.Ю. Завитаева, под ред. Ю.С. Савенко. М.: Грифон, 2015.
ISBN 978-5-98862-260-4

ИРИНА КАЗАКОВА

Кандидат психологических наук, психолог.

Европейский гуманитарный университет, 01114 Вильнюс, Литва.

E-mail: kairanatan@gmail.com

В рецензии обсуждаются основные положения книги и акцентируются наиболее значимые, по мнению рецензента, размышления автора относительно клинико-психологической картины шизофрении и того способа человеческого бытия, который свойственен шизофреническому больному. На основе рассмотрения случаев из практики и анализа основных подходов к описанию и исследованию шизофрении Вирш подробно разворачивает феноменологию шизофрении при ее различных течениях. Центральное внимание в рецензии уделяется понятиям шизофренической персоны и шизофренического основного настроения, которые с точки зрения автора, определяют сущностную специфику способа Dasein при шизофрении.

Ключевые слова: Якоб Вирш, шизофрения, способ Dasein, персона, самоформирование, галлюцинирование, расщепление, основное настроение.

JAKOB WYRSCH “THE PERSON OF SCHIZOPHRENIC: STUDIES IN THE FIELD OF CLINIK, PSYCHOLOGY, MODE OF DASEIN”

Trans. by P. Zavitaev, ed. Yu. Savenko, Moskau: Grifon, 2015.
ISBN 978-5-98862-260-4

IRINA KAZAKOVA

PhD in Clinical Psychology, Psychologist.
European Humanities University, 01114 Vilnius, Lithuania.
E-mail: kairanatan@gmail.com

The review discusses the main points of the book. The most important reflections of the author concerning the clinical and psychological picture of schizophrenia and the mode of human existence, which is typical schizophrenic patient and are emphasized. Based on consideration of case studies and analysis of the main approaches to the description and study of schizophrenia Wyrsh unfolds in details the phenomenology of schizophrenia in its various currents. The central focus of the review is on the concepts of a schizophrenic person and schizophrenic basic mood, which from the point of the author's view, define the specificity of the essential mode of schizophrenic Dasein.

Key words: Jakob Wyrsh, schizophrenia, mood of Dasein, person, self-formation, hallucination, splitting, basic mood.

Якоб Вирш¹ (1982-1980) – выдающийся швейцарский психиатр, изучал медицину в университете Цюриха, в 1921-22 годах работал ассистентом Ойгена Блейлера в Бургхельцли. После недолгого обучения в Париже и Лондоне с 1923 начал работать в психиатрической клинике Святого Урбана в Люцерне, которую возглавил в 1925 году и руководил до 1934 года, после чего переехал в Берн, где работал в клинике Вальдау и преподавал в университете. Среди работ Вирша как психиатра наиболее известны *Судебная психиатрия* (1949), *Психопатология и преступление* (1949), *Общество, культура и психическое расстройство* (1960), *Психиатрия как открытая наука* (1969). Вместе с этим

¹ Как было выяснено в личной беседе с одним из представителей швейцарской психиатрии и психотерапии во время последнего визита в Цюрих в сентябре 2016 года, правильным является произношение *Вюрш*, а не *Вириш*. Мы тем не менее оставляем вариант написания *Вирш* в данной рецензии, чтобы сохранялась идентификация книги и автора. Данный комментарий вполне сохраняет дух комментариев переводчика книги, который выносит в примечания комментарии о правильной транскрипции тех или иных устоявшихся переводов, например, отмечает он, “правильным считается произносить не Гейдельберг, а Хайдельберг, не хорея Гентингтона, а хорея Хантингтона” и т.д.

Якоб Вирш известен как писатель и поэт, он был дважды удостоен книжной премии швейцарского фонда Шиллера.

Монография *Шизофреническая персона* (1949) включает многолетние исследования Вирша в области шизофрении. Как отмечает его ближайший соратник Якоб Клези в заметке 1952 года (Klaesi, 1952, 22), посвященной 60-летию Вирша, последний “известен, прежде всего, как исследователь шизофрении и считается на сегодня одним из лучших ее знатоков”. Несмотря на давность этих слов, мы можем подтвердить их актуальность, поскольку состав этой стороны психиатрического знания, значительно обогащенный в первой половине 20 века именно благодаря трудам феноменологов от психиатрии, изменился с середины 20 века незначительно. Как отмечает в *Введении* к своей работе Вирш, годы, предшествовавшие выходу этой книги, стали значительно беднее публикациями тщательно и скрупулёзно выполненных психопатологических анализов единичных случаев шизофрении, по сравнению с 10-ми и 20-ми годами. Речь идет о работах таких авторов, как Карл Вильманс (Karl Wilmanns, 1873-1945), Карл Ясперс (Karl Jaspers, 1883-1969), Ханс Вальтер Груле (Hans Walter Gruhle, 1880-1958), Отто Фридрих Ранке (Otto Friedrich Ranke 1899-1959), Фердинанд Адальберт Кеппер (Ferdinand Adalbert Kehrer, 1883-1966), Йоханнес Ланге (Johannes Lange, 1891-1938), Курт Берингер (Kurt Beringer, 1893-1949), Вильгельм Майер-Гросс (Wilhelm Mayer-Gross, 1889-1961) и др. Все они, так или иначе, связаны с известной университетской клиникой Хайдельберга, и Вирш неоднократно обращается к их работам в процессе своего повествования. Время же, в которое Вирш отваживается “представить целую книжечку о клинических, психопатологических и dasein-аналитических вопросах при шизофрении” (Вирш, 2015, 13), характеризуется движением в “соматическую” сторону, началом активного использования анализа наследственности, изучением биологических основ шизофрении, взаимосвязи с соматическими, эндокринными расстройствами и т.д. Ни в коей мере не отрицая и не обесценивая клиническую сторону вопроса, автор не сомневается в том, что замысел книги именно как дизайн-аналитической работы отвечает духу времени.

Вирш начинает изложение представлением случая одной шизофренической пациентки – Иды. Мы встречаемся с исчерпывающим описанием анамнеза, истории болезни и госпитализации, отношений с родственниками, знакомыми, медицинским персоналом. Описание ее поведения и отношений содержит большое количество примеров – так, что картина жизни

пациентки разворачивается перед нами в полной мере – что и как пациентка рассказывает, как она описывает свои переживания и фантазии, что она делает в разных ситуациях, много внимания отведено описанию её специфического языка, состоящего во многом из несуществующих слов, которые она создает вновь и вновь. Подводя итог описанию, автор констатирует, что “для клиничко-психопатологической оценки достаточно несколько слов: у Иды хроническое течение шизофрении, точнее говоря, она параноидна [...]. Все признаки налицо: ряд ‘первичных шизофренических симптомов’, ‘расстройство ассоциаций’ в смысле О. Блейлера, аутизм (конечно, в форме принятия желаемого за действительное, а не в форме расстройства контакта), амбивалентность, ‘расщепление личности’, и вдобавок – соответствующие ‘акцессорные или вторичные симптомы’: галлюцинации, бредовые вторжения, *Verschrobenheit*² и т.д.”, после чего предлагает нам “оставить форму описания и сообщения и посредством анализа, а затем и усмотрения постигнуть то, что происходит в этой биографии и какой способ *Dasein*’а в ней воплощен” (Вирш, 2015, 31). Более того, Вирш предлагает нам оставить *на некоторое время* и психопатологию с тем, чтобы обратиться к самому дазайн-аналитическому исследованию, которое не использует для своих изысканий клинических понятий, и которые поэтому не могут быть для него целью диагностики. Нет задачи – прийти к клиническому понятию, есть задача рассмотрения определенного способа *Dasein*’а. Поскольку с тем сущностным, что является каждому клиницисту в шизофрении, невозможно соприкоснуться в общепринятых симптомах и систематизациях. При этом Вирш остается критичен, не навязывая нам идеи представления некоего одного инвариантного шизофренического способа *Dasein*’а, такого же, как, например, меланхолическая (данная Э. Штраусом и Э. фон Геббзателем) или “маниакальная жизненная форма” (описанная Л. Бинсвангером). Можно говорить о том, что есть “универсальная шизоидная жизненная форма”, которую можно обнаружить у всех шизоидов, иначе – “шизоидный модус *Dasein*’а”, но отношения шизоидии и шизофрении неоднозначные, “шизофрения на растворяется в шизоидии”, ровно как наличие одного не означает другого в качестве предшествующего или последующего. Множество *dasein*-анализов шизофреников, представленных в более ранние годы,

² С нем. – чуждачество, странности.

уже предлагали некие “маркеры” этого способа бытия, как то: “слабость экзистенции, неподлинность, даже самопотерянность экзистенции”, “прогрессирующее сужение, [...] опустошение личности” (Л. Бинсвангер), “обмирщение самости, то есть прогрессирующей утраты своей свободы и своего торжества посредством (мирской) необходимости или (мирского) события” (Ю. Цюнд), “разрушение связи с окружением и в то же время выигрыш в сохранении Dasein благодаря бреду преследования” (Л. Фосс) и др. Но все это оказывается невозможным применить “к нашей Иде”.

Основной вопрос, которым ведом Вирш в своем изложении: в чем заключается то шизофреническое сущностное, которое мы наблюдаем во множестве клинических случаев? И для такого изыскания он прибегает к даэин-аналитическому способу рассмотрения, который никоим образом не есть просто описание, наличие которого тем не менее необходимо в качестве первого и предваряющего этапа такой работы, но есть, прежде всего, анализ, который может быть выполнен лишь как беспристрастный и “даже с беспомощностью наблюдателя, который не косится ежечасно в сторону готовой поддержки клинической психиатрии, но и не пренебрегает ею, когда она пригодна для того, чтобы пролить свет на способ Dasein’a больной Иды” (Вирш, 2015, 36). Вирш медленно и последовательно разворачивает перед нами аналитику этого специфического и уникального способа бытия Иды. Что есть такое ее *мир*? Что представляет собой этот *мир* для нас, наблюдающих со стороны? Это “только *ее* мир, который ни с кем не может быть разделён” (Вирш, 2015, 39). Даже при том, что другие могут принимать в нём участие, разделять некоторые те же мнения, все же, и Вирш делает на этом акцент, “с точки зрения наблюдателя это параноидный, только самой больной принадлежащий мир” (Вирш, 2015, 41). Хотя с точки зрения пациентки, все может быть совсем иначе, она верит, что нам хорошо известен этот мир, и в этом смысле “она участвует в общей со всеми повседневности” (Вирш, 2015, 42). То, что мы называем галлюцинированием, нужно попробовать рассматривать иначе, не как “расстройство сенсориума”, но как “расстройство и изменение симпатических функций ощущения”. И поскольку эти функции изменены, то “больной живет в другой коммуникации с миром; но так как способы в-мире-бытия фундаментальны для всех переживаний, то галлюцинации ни в коей мере не являются изолированными расстройствами” (Вирш, 2015, 43). Открытым остается вопрос, действительно ли изменение в-мире-бытия предшествует галлюцинированию? Вирш склоняется к тому, что в отношении шизофрении

это может быть верным. Вспоминая предположения Юнга и Дриша о том, что человечество раньше было одержимо этой функцией галлюцинирования, Вирш предлагает говорить о галлюцинировании подобно слушанию, своего рода шестом чувстве. При этом он подчеркивает образность своего высказывания, лишь указывая этим на особый статус галлюцинирования у шизофреников. Отличие его галлюцинирования от, например, алкогольного, заключается в том “способе, которым переживается этот звучащий диалог”. Эти голоса обладают характером призыва (Anruf), и “именно это делает их *шизофреническими* галлюцинациями” (Вирш, 2015, 53).

Рассматривая далее обычно констатируемое у шизофреников *расстройство мышления*, которое проявляется, в частности, как *хроническая разорванность мышления*, Вирш для укрепления линии своего размышления обращается к тезису Хёнигвальда (E. Hönigswald) о том, что признавать кого-либо “помешанным” вовсе не означает допускать, что в его речи отсутствует смысловая соотнесенность, вернее, что “он [шизофреник] в силу каких-то обстоятельств препятствует ‘полаганию’ этой смысловой соотнесенности; что он не в состоянии полагать ее” (Вирш, 2015, 46). И что это за “невозможность полагания”? – спрашивает далее Вирш, ссылаясь на примеры и говоря о том, что многожды уже было показано, что в разорванности шизофреников полагается смысл, и “возможно, за органической спутанностью действительно отыскалась бы невозможность полагания какого-либо смысла, однако для выяснения этого необходимы более тщательные исследования” (Вирш, 2015, 46). Потому, во-первых, что далеко не всегда переживания шизофреников могут быть выражены в нашей обиходной речи, и, во-вторых, вследствие формальных расстройств шизофренического мышления, где речь идет о том, что Блейлер обозначил “ослаблением ассоциативного напряжения”, за которым, размышляет Вирш, вполне может “маячить” нечто интенциональное. “То есть, та самая интенциональность, в смысле Brentano и схоластики, которая спустя 10-20 лет оказалась в центре внимания как что-то само собой разумеющееся, когда речь зашла об этом предмете” (Вирш, 2015, 47). Стоит лишь упомянуть “недостаточную амплитуду интенциональной дуги Берингера” или “отсутствие переживания осуществления вследствие недостаточной установки на упорядочивающую форму мышления” и т.д. Таким образом, Вирш осуществляет те так необходимые для качественной рефлексии сопряжения теоретических построений с большим количеством анализов случаев.

Далее Вирш обращается к анализу персоны хронического шизофреника. Здесь перед нами оказывается одно из ключевых понятий его анализа – персоне. По итогам небольшого философского экскурса и обращения к понятию персоны, разрабатывавшемуся в работах, прежде всего, Л. Бинсвангера и К. Ясперса, он заключает, что “персона обнаруживает себя в душевных актах, а не только в рефлексивных и реакциях, и эти проявления мотивированы, интенционально на что-то направлены и объединены в единую форму Я-содержанием и смысловой связью. С другой точки зрения, персоне обнаруживает себя как самоформирование. Сюда же относится то, что всякая персоне также обладает миром, не только окружающим миром, как животное, и не ‘объективным’ образом мира, как наука, но своим проектом мира и укоренена в своем мире-с-другими и вне его вообще не может быть рассмотрена” (Вирш, 2015, 65). Здесь мы соглашаемся с тем, как переводчик трактует этот сюжет, когда говорит, что персоне у Вирша состоит в предпринимаемом самим больным усилии самоформирования (Selbstgestaltung), обретения личностной формы в обстоятельствах, созданных болезнью, которое может удасться или не удасться, быть незавершенным, частичным и т.д. И здесь важны два момента: Я-функция, которая устанавливается идентичность, и память, которая противостоит распаду.

Какова персоне шизофреника? Особое качество галлюцинирования, обладающего характером призыва (Anruf), указывает на то, что слова и выражения шизофреника имеют экзистенциальное значение и возникают из глубины персоны. Ключевым вопросом является: что переживает галлюцинирующий, слышащий голоса? Предположение состоит в том, что у шизофреника есть часть Я, а также “часть внутренней активности внутри того голоса, который взывает к нему [...], но он не осознает этого. [...] он, конечно, является тем самым, кому принадлежат побуждение и содержание, это звучание мыслей. Или говоря традиционно: эти голоса психогенные [...]” (Вирш, 2015, 56). И таким образом Вирш постепенно подходит к вопросу о сущности того, что традиционно называлось расщеплением, и что, несомненно, наблюдается и у главной героини повествования – пациентки Иды. Персоне преобразуется болезнью по-разному. С точки зрения опять-таки наблюдателя, персоне Иды расщеплена. Вирш делает предположение: ровно благодаря такому расщеплению, благодаря наличию вот этого галлюцинаторного мира Иды может счастливо существовать, “именно болезненное – расщепление персоны – приводит к счастью, в то время как

нормальное – целостность – приносит горе” (Вирш, 2015, 61). Но речь здесь идет о том, что имеет место повреждение персоны как таковой, “повреждение в буквальном смысле, а не расстройство или расщепление внутри персоны” (Вирш, 2015, 66). Сама Ида переживает себя как целую и невредимую. Эта “граница”, о которой мы говорим, между субъектом и объектом, между переживанием и происшествием, проходит внутри самой персоны, и поэтому мы регистрируем это как расщепление личности. Но если мы исследуем ее прежний мир и ее параноидный мир, в который он преобразовался, то там внутри мы не застигнем никакого расщепления, там мы обнаруживаем некоторое “ядро, к которому, в конце концов, сводятся эти лишённые единства проявления” (Вирш, 2015, 69). И это есть параноидная персона в ее параноидно преобразованном мире. Такое изменение внутри персоны и можно называть сущностно шизофреническим, говорит Вирш.

Вирш анализирует случаи из своей клинической практики и собирает четыре основные группы, “только ради внешнего порядка”: параноидные картины, галлюцинаторные картины, гебефренические картины и кататонические картины, где преобразование персоны и её мира можно проследить некоторым схожим образом, но всякий раз речь идет о том, как происходило самоформирование, насколько оно подлинное или мнимое. Больной ищет и находит для своей шизофренической персоны *соответствующую жизненную форму, Dasein*. Это позволяет ему оставаться приобщенным к некоторой части общего мира, быть-в-мире.

Вслед за этим возникает другой вопрос: почему у одного шизофреника преобразование персоны удастся, у другого – нет. Для ответа нужно исследовать то, “как прокладываются эти хронические пути”, то есть начало болезни, “то, как больной борется или смиряется с наступающей шизофренией” (Вирш, 2015, 111). Таким образом Вирш переходит ко второй части своего исследования, где он обращается к началу болезни. Вирш убежден, что каким бы образом не манифестировала шизофрения, “бурно” или медленно, “чаще это подобно оползню, который уже некоторое время прорывается разрывами и смещениями почвы – предвестниками или продромами болезни” (Вирш, 2015, 112). Эти бурные, или острые, шубы могут протекать по-разному, но общим является массивное появление так называемых процессуальных симптомов. Вирш смещает фокус с вопроса о том, что здесь первично, а что вторично, что в этом “физиогенно”, а что психогенно, на то предположение, что при этом происходит не просто изменение

отдельных душевных функций, но “самого психического сооружения”, в котором нечто происходит. Начинаясь вслед за этим (по окончании шуба) попытка восстановления связности переживаний, и вместе с этим, единства персоны протекает по-разному в зависимости от того, каким был шуб. Вирш рассматривает четыре основные формы шуба, каждая из которых прогностически более или менее благоприятна с точки зрения персоны и ее самоформирования в условиях болезни, иначе – ее противостояния болезни.

И здесь возникает вопрос, “в чем, собственно, обнаруживается болезненный процесс или, иначе говоря, какие симптомы ‘производит’ болезнь и какие – заболевший” (Вирш, 2015, 133). Пытаясь ответить на этот вопрос, Вирш опять обращается к работам Блейлера и других коллег, некоторые имена которых были обозначены выше и дает краткий обзор их воззрений на этот счет. Среди шизофренических протофеноменов, или шизофренических протосимптомов, описываемых этими авторами, Вирш особым образом выделяет так называемое “шизофреническое основное настроение” (Grundstimmung). Именно это “основное настроение”, видимое как странность шизофренической душевной жизни, делает симптомы процессуальными. Настроения как “несущая основа души (Gemüt)” являют собой “‘изначальное единство, подлежащее расщеплению между Я и миром’ (Больнов), они представляют собой ‘коренное личное фундаментальное качество’, которое участвует в формировании судьбы отдельно взятого лица (Греле) (...), в них проявляется ‘витальная персона’ (Э. Браун), которая, однако, укоренена и в телесном слое; они сгущаются до витальных чувств (Шелер), и без обращения к ним невозможно также обосновать кречмеровские типы реакций” (Вирш, 2015, 146). Персона как единый исходный связующий пункт психических актов становится немислима без этой несущей основы настроения. Соответственно, то, что мы наблюдаем при начале шизофрении, есть качественное преобразование этого жизненного основного настроения. И все процессуальные симптомы имеют своим фоном основное настроение.

Достигая этой точки, Вирш вновь обращается к методическому моменту, отмечая, что постижение этого основного настроения невозможно путем объяснения или понимания, но только – путем описания и последующей аналитики опыта. Связано это, прежде всего, с тем, что это основное настроение у шизофреников практически недоступно вчувствованию. Это не значит, что аффективная жизнь полностью отсутствует у шизофреников. Вирш, приводя примеры, убеждает нас в обратном. Вопрос состоит именно

в том, можем ли мы как наблюдатели в это состояние вчувствоваться? Нет. Но почему? Вирш дает удивительный ответ: потому что отсутствует та изначальная понятность другого, которая присутствует у условно здоровых индивидов в их со-бытии. В данном же случае у хронических шизофренических больных “в конечном состоянии часто распознаванию чувства симпатии [которую мы можем к ним обращать] препятствует отречение от нашего повседневного мира, в котором мы пребываем и из которого обращаемся к ним. Однако там, где нет никакого отречения, как у Иды и многочисленных других параноидных, уже возникает необходимость в теоретическом предубеждении, чтобы не замечать подлинного эмоционального контакта” (Virsh, 2015, 169).

Таким образом, переход в хроническое состояние имеет основание в двух факторах: создание шизофренического личного мира и преобразование персоны, которое больной вынужден начать уже в шубе, “если он намерен существовать”, создавать язык для выражения своей действительности, выстраивать бредовые системы для согласования личной и всеобщей действительности. Это удастся не каждому, но в этом, как отмечает Вирш, проявляется способность к созиданию, это созидующее усилие для удержания всех отношений внутри персоны, что происходит, конечно, не намеренно, но потому, что к этому вынуждают разрывы связности в переживаниях, потрясения экзистенции. Как выше отмечалось, такое самоформирование шизофренической персоны может быть в разной мере “успешным”, но в этом своем мире шизофреник чувствует себя “как дома” и позволяет сохранять единство конституирования своего мира, каким бы расщепленным он ни казался для нас как наблюдателей.

Книгу завершает краткое Приложение, посвященное 70-летию со дня рождения Якоба Вирша, в котором Людвиг Бинсвангер кратко освещает основные вехи жизненного пути Вирша и его творческие и профессиональные достижения.

REFERENCES

- Klaesi, J. (1952). Prof. Dr. med. Jakob Wyrsh zum 60. Geburtstag. *Psychiatrie und Neurologie*, 123 (6), 22-23.
- Virsh, Ya. (2015). *Shizofrenicheskaya persona. Issledovaniya kliniki, psikhologii, sposoba Dasein'a* [The Person of Schizophrenic: Studies in the Field of Clinic, Psychology, Mode of Dasein]. М.: Grifon. (in Russian).